

Н. А. Кладова
Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова

«СТРАННОСТЬ ПРОТИВОРЕЧИЯ»
В ВОСПРИЯТИИ ТВОРЧЕСТВА Ж. САНД В РОССИИ
(В. Г. БЕЛИНСКИЙ, Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ, Н. А. НЕКРАСОВ)

Ж. Санд была, наверное, самым популярным зарубежным писателем в России в 40-е годы XIX века: ею зачитывались, ее перечитывали, из-за нее спорили. К. Д. Кавелин вспоминал о «молодых литературных» кружках того времени: «Мы мечтали о лучшем будущем, не формулируя положительно, каким оно должно быть, жадно собирали все анекдоты, слухи и рассказы, из которых прямо или косвенно следовало (или должно было следовать), что апокалипсический зверь недолго провоевоствует, также жадно и зорко следили за всяким проявлением в слове или печати мыслей и стремлений, которыми были преисполнены. Каждый месяц приносил нам новинку – статью, а иногда и больше, Белинского, которую читали и перечитывали. Жорж Занд и французская литература были нашим Евангелием» (2 : 174).

Французской литературой зачитывались потому, что, негодуя против угнетения и несправедливости, испытывая боль за русскую действительность, искренне желали изменить ее – западными способами. На литературной арене эти идеи горячо пропагандировал В.Г. Белинский. В письме к В. П. Боткину от 8 сентября 1841 г. критик сообщал: «Я теперь в новой крайности, – это идея социализма, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания. Все из нее, для нее и к ней» (1, т. 12 : 66). Причем идея социализма в рассуждениях критика была, по сути, равнозначна идее социальности и непосредственно вытекала из эмоционального восприятия русской действительности – действительности «униженных и оскорбленных». В том же письме к В. П. Боткину: «Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взгляде на толпу и ее представителей. Горе, тяжелое горе овладевает мною при виде и босоногих мальчишек, играющих на улице в бабки, и оборванных нищих, и пьяного извозчика, <...> и довольного собою офицера, и гордого вельможи» (1, т. 12 : 69). Именно Ж. Санд для Белинского стала «звездой спасения и пророчицей великого будущего» (1, т. 12 : 115), «энергическим адвокатом прав женщин» (1, т. 12 : 54), провозвестницей социального равенства – не только по отношению к женщине. А это в унисон звучало с самой главной мечтой великого критика: «Не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди» (1, т. 12 : 71). Творчество Ж. Санд для него было ценным с той стороны, что сыграло решающую роль в становлении социального романа: «Явился Ж. Санд – и роман окончательно сделался общественным, или социальным» (1, т. 10 : 109).

Мнение Белинского часто становилось мнением эпохи. Так произошло и с восприятием «социального» творчества французской писательницы – однако лишь отчасти. Через тридцать лет Достоевский запишет: «Я был с самого первого раза,

еще шестнадцати лет, удивлен странностью противоречия того, что об ней (Ж. Санд. – Н. К.) писали и говорили, с тем, что увидал я сам на самом деле» (3, т. 23 : 35). В чем же заключалась эта «странность противоречия»?

«На самом деле, – продолжает Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 год, – многие, некоторые по крайней мере, из героинь ее представляли собою тип такой высокой нравственной чистоты, какой невозможно было и представить себе без огромного нравственного запроса в самой душе поэта, без исповедания самого полного долга, без понимания и признания самой высшей красоты в милосердии, терпении и справедливости» (3, т. 23 : 35). Достоевский акцентирует внимание на особенностях изображения Ж. Санд человеческой личности. А. Смирнов так определяет различие взглядов социалистов-утопистов и Достоевского на будущее мира. Во французских утопических теориях «главную ценность получает общество, как целое; единичная же личность отступает на задний план и превращается в средство к достижению блага большинства» (9 : 15). С точки зрения Достоевского, «чтобы верить в возможность достижения общего счастья людей, нужно прежде всего верить в человека, в его высшее призвание и назначение, в лучшие свойства его души» (9 : 18). Достоевский именно поэтому назовет Санд христианкой, хотя и не исповедующей Христа: «Она основывала свой социализм, свои убеждения, надежды и идеалы на нравственном чувстве человека, на духовной жажде человечества, на стремлении его к совершенству и к чистоте, а не на муравьиной необходимости. Она верила в личность человеческую безусловно (даже до бессмертия ее), возвышала и раздвигала представление о ней всю жизнь свою – в каждом своем произведении и тем самым совпадала и мыслию, и чувством своим с одной из самых основных идей христианства, то есть с признанием человеческой личности и свободы ее (а стало быть, и ее ответственности). <...> И, может быть, не было мыслителя и писателя во Франции в ее время, в такой силе понимавшего, что “не единым хлебом бывает жив человек”» (3, т. 23 : 37). Последняя фраза – это, в сущности, прямая полемика с Белинским.

Общеизвестно, что Достоевского в 40-е годы Белинский «страстно обращал в свою веру», а писатель с легкостью все впитывал. «Я застал его страстным социалистом, – рассказывает Достоевский о своем знакомстве с Белинским, – и он прямо начал со мной с атеизма. <...> Без сомнения, он понимал, что, отрицая нравственную ответственность личности, он тем самым отрицает и свободу ее; но он верил всем существом своим <...>, что социализм не только не разрушает свободу личности, а, напротив, восстанавливает ее в неслыханном величии, но на новых и уже алмазных основаниях» (3, т. 21 : 10). Но не Божественных. Это и ставило под сомнение для Достоевского все «учение» великого критика. Камнем преткновения оказался чистый, светлый образ Христа. «Учение Христово он, как социалист, необходимо должен был разрушать, называть его ложным и невежественным человеколюбием, осужденным современною наукой и экономическими началами; но все-таки оставался пресветлый лик Богочеловека, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудотворная красота. Но в беспрерывном, неугасимом восторге своем Белинский не остановился даже и перед этим неодолимым препятствием» (3, т. 21 : 10). «Знаете ли вы, – обращался поучительным тоном Белинский к юному Достоевскому, – что нельзя насчитывать грехи

человеку и обременять его долгами и подставными ланитами, когда общество так подло устроено, что человеку невозможно не делать злодейств, когда он экономически приведен к злодейству» (3, т. 21 : 11). Достоевский, с легкостью увлекаясь идеями критика, не мог с такой же легкостью, да и вообще не мог, так низводить человека – до суммы социальных обстоятельств, до «хлеба единого», поэтому и ценил писатель в творчестве Ж. Санд прежде всего героинь «высокой нравственной чистоты». При этом он не был одинок в своем видении творчества французской писательницы.

В «Заметках о журналах за июль месяц 1855 года» Некрасов сравнивал роман Диккенса «Тяжелые времена» и роман Санд «Лора». Роман Диккенса он характеризовал словами «фактичность», «осязаемая польза», «практичность» (6 : 147). О романе же Санд написано: «есть нечто неотразимо обаятельное в том вольном, безотчетном и бескорыстном стремлении к идеалу, неуловимому, неопределенному, возвышенно и недостижимо прекрасному» (6 : 148). В романе Диккенса – «полезная идея», которая может способствовать «улучшению в общественном быту» (6 : 148). Роман Ж. Санд воздействует на сердце, «в идеальной стороне человека видит не подспорье его материальному благу, но условие, необходимое для человеческого существования!» (6 : 148) (Ср. мысль Достоевского о том, что Санд основывала свой социализм «на духовной жажде человечества, на стремлении его к совершенству и к чистоте, а не на муравьиной необходимости»). Отсюда вывод: «если необходимы и благотворны такие романы, как роман Диккенса, то не менее нужны и <...> романы, идеализирующие действительность, лишь бы идеализация была искренняя, исходящая из благородной и высокой природы автора, жаждущего видеть человека лучшим, чем он есть, и, в тоске неудовлетворенной жажды, создающего прекрасные идеалы...» (курсив мой. – Н. К.) (6 : 148). Здесь выражен, пожалуй, главный стержень творчества Ж. Санд: мечта о преобразении человека, а не социальной реальности.

В «Литературных воспоминаниях» И. И. Панаева содержится один интересный факт знакомства Некрасова с творчеством Ж. Санд. Некрасов, свидетельствует мемуарист, «как и все мы, очень увлекался в это время (конец 1842 г. – Н. К.) Жорж Сандом. Он был знаком с нею только по русским переводам. Я звал его к себе и обещал прочесть ему отрывки, переведенные мною из «Спиридиона». Некрасов вскоре после этого зашел ко мне утром, и я тотчас же приступил к исполнению своего обещания» (7 : 285). А ведь в центре этого романа Ж. Санд – идея преобразования человеческой личности.

Аббат Спиридион не признает официальной церковной религии, прикрывающей пороки; он написал еретическое сочинение, в котором – предчувствие «эры новой религии», причем «религия эта отвергнет не дух христианства, но одни лишь формы его» (8 : 640). Жаждой наступления «царствия вечного Евангелия» охвачен и Алексей, духовный сын Спиридиона. В его размышлениях нельзя не заметить отрицания социального пути к светлому будущему: «Я слишком хорошо знаю, что такое жизнь, сведенная к удовлетворению нужд эгоистических; я слишком хорошо знаю, что такое думы о будущем без надежды на жизнь вечную! <...> О, не говорите мне, что человек познает счастье, когда подле него не останется ни государей, принуждающих его к тяжкому труду, ни священников, грозящих ему загробными муками. Разумеется, ни тираны, ни фанатики ему не нужны, но ему потребна религия, ибо у него есть душа, а значит, он нуждается в Боге» (8 : 611–612). Мы не

знаем, какие именно отрывки читал Некрасову Панаев, но так или иначе весь роман увлекал светлой надеждой на лучший мир, который должен наступить не посредством изменения социальных схем, а через преображение Христовым светом человеческой души. Рукопись Спиридиона приобретает символический смысл «семени жизни», которое прорастает в душе следующего – духовного сына, «возвращая к вере в Бога». «Быть может, семена, посеянные мною в твоей душе, принесут много плода, когда ты согреешь их своим дыханием» (8 : 504), – говорит Спиридион Фульгенцию. О «семени жизни» часто размышляет и Алексей. Не станет ли это одним из источников (помимо евангельской притчи о сеятеле) замысла некрасовской поэмы «Саша»? Не исключено. Кстати, евангельские слова о семени из последней цитаты станут эпиграфом к «Братьям Карамазовым» Достоевского. Очевидно, что «Спиридион» для Достоевского тоже стал фактом творческого восприятия и приятия.

Итак, в отличие от Белинского, приветствовавшего внимание французской писательницы к социальной стороне жизни, Достоевский и Некрасов подчеркивали внимание Ж. Санд к внутреннему миру человека, его прекрасным, идеальным стремлениям. Достоевский и Некрасов заслугу Ж. Санд видели не в развитии социального, или общественного, романа, как Белинский, а в прославлении личности, в художественном воплощении идеи духовного преображения мира.

Библиографический список

1. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 9. Т. 12. М., 1955–1956.
2. В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977.
3. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 21. Т. 23. Л., 1980–1981.
4. *Кафанова О. Б.* Жорж Санд и русская литература XIX века (Мифы и реальность). Томск, 1998.
5. *Мостовская Н. Н.* Некрасов и Жорж Санд // Некрасовский сборник. Т. 11–12. СПб., 1998. С. 105–113.
6. *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Т. 11. Кн. 2. Л., 1990.
7. *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1988.
8. *Санд Ж.* Грех господина Антуана. Спиридион. М., 2007.
9. *Смирнов А.* Социализм в оценке Достоевского. Казань, 1907.

Т. П. Баталова

*Коломенский государственный
педагогический институт*

«УЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ» Н. А. НЕКРАСОВА: СЮЖЕТ И ВРЕМЯ

«Уличные впечатления», первая часть цикла «О погоде», публиковалась в № № 1–3 «Современника» 1859 г. Связующим для этого цикла является мотив времени. Заглавия его стихотворений – «Утренняя прогулка», «До сумерек», «Сумерки» – говорят о времени суток, погодные мотивы – тумана, дождя, снега, холода – о времени года.